

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo. Paris (15°).

№ 4.

Париж. АПРѢЛЬ 1934

№ 4.

СОДЕРЖАНИЕ:

Гайдар Баммат — Кавказская Конфедерация и Армяне.

* * * — Французская политика и наши чаяния.

Джейхун бей Гаджибейли — “27 апреля”.

Спиридон Кедия — К вопросу общекавказского фронта.

Тамбий Елекхоти — Вечные ценности.

Б. Олешин — О безумии империализма.

Д-р Т. Θ. Маргвелашвили — Часть или целое.

Джихангир — Вперед к новой жизни.

Сообщение партии “Мусават”.

Хроника.

Кавказская конфедерация и Армяне

Из всех стоящих перед нами вопросов одним из наиболее острых и сложных несомненно является вопрос армянский.

Он требует самого напряженного внимания кавказских патриотов. Не будет преувеличением сказать, что возможность осуществления и укрепления Кавказской Конфедерации в значительной мере зависит от отвечающего жизненным интересам Кавказа и максимально справедливого разрешения этого вопроса.

Ставшее привычным в некоторых кругах Кавказской эмиграции замалчивание армянской проблемы нам представляется опасным заблуждением.

Как бы ни были велики стоящие на пути трудности, все кавказцы, и в первую очередь сами армяне, кровно заинтересованы во всестороннем и честном освещении существующих разногласий и открытом, лояльном их обсуждении.

Только так мы сможем найти общий язык и предотвратить освобожденный от большевнического ига Кавказ от опасного возврата к тяжелым распрям недавнего прошлого. Только этим путем удастся нашим народам обеспечить внутренний мир и элементарные условия экономического и культурного сотрудничества.

Не станем преувеличивать, но и не ста-

нем преуменьшать сложности стоящей перед нами задачи.

Кроме об'ективной невозможности дать одинаково всех удовлетворяющее решение армянской проблемы, вопрос этот, к несчастью, осложняется некоторыми обстоятельствами психологического порядка, в высокой степени затрудняющими спокойное и безпристрастное его обсуждение...

Наше поколение живет в суровую эпоху истории. Нам довелось быть свидетелями и участниками великих войн и революций; мы присутствовали при крушении могущественных империй; нашим народам, вовлеченным в круговорот мировых событий, пришлось пройти через горнило жестоких испытаний. На долю армянского народа в частности выпали исключительные страдания... Позиция занятая во время войны политическими вождями армянского народа и участие нерегулярных армянских формирований в рядах русской и союзных армий — привели, частью, к уничтожению, частью, к рассеянию по всему свету армянского населения восточных турецких вилайетов и к окончательному уничтожению в Турции политического и экономического значения армянской буржуазии, игравшей там некогда видную роль.

Логическим результатом этой политики было и прискорбное обострение отношений с Кавказскими соседями Армении: Грузией и Азербейджаном.

Возложив все свои надежды на победу держав Согласия и уничтожение турецкого владычества на исторических территориях Великой и Малой Армении, руководящие армянские круги, в момент торжества Союзников, конечно, не были склонны придавать большого значения новым государственным образованиям на Кавказе и связывать с ними свою судьбу.

Мысля себя в орбите держав-победитель-

ниц и свято веря расточавшимся им во время войны торжественным обещаниям, армяне видели будущий экономический и политический центр возрожденной Армении значительно южнее... Поворачиваясь таким образом спиной к Кавказу и стремясь к возможно большому округлению своих Кавказских границ они исходили из предположения, что дальнейшие пути Армении и Кавказских народов решительно разошлись.

Внешний контакт, который механически поддерживался между Армянской и Кавказскими Делегациями в Париже и на многочисленных конференциях, происходивших тогда в различных европейских курортах, не привел к созданию общего языка... На местах положение все более ухудшалось. Пограничные споры обострялись и приводили к кровавым столкновениям. Психологическая атмосфера опасно сгущалась и все труднее делалось спокойное и об'ективное обсуждение спорных вопросов...

Между тем, фактическое положение в восточных вилайетах Турции и политическая ситуация в Европе изменились катастрофическим для армян образом. Выяснилось, что Европа опять поторопилась с похоронами "Большого Человека". Великий национальный под'ем турецкого народа и гений Мустафы Кемаль паши разрушили в корне все планы европейских кабинетов, связанные с разделом турецкого наследства.

Неисчислимы жертвы, принесенные армянским народом делу национального возрождения оказались тщетными. Головокружительные мечты о создании Великой Армении от Трапезунда до Александры рассеялись, как дым. После пьянящих дней Севрского трактата наступили суровые будни Лозанского договора...

На страшном опыте познал армянский народ цену формальных обязательств и тор-

жественных обещаний Великих Держав...

С другой стороны Карсский договор и установившаяся после него тесная политическая дружба между Москвой и Анкарой ярко продемонстрировали всю иллюзорность надежд, возлагавшихся некоторыми армянскими кругами на утверждение Советской власти на Кавказе...

Редко в истории выпадали на долю одного народа столь тяжкие разочарования...

Такой опыт не мог пройти бесследно. Руководящие слои армянского народа должны признать, что политическим концением, так сильно преувеличивавшим роль далеких иностранных факторов и недостаточно учитывавшим значение дружественных отношений с непосредственными соседями, жизнь нанесла сокрушительный удар. Необходимость коренной переоценки ценностей и решительного отказа от старых политических путей, заведших армянский народ в трагический тупик, не может не сознаваться армянскими патриотами. озабоченными будущими судьбами своей Родины.

Вот эту естественную реакцию против старых форм политической активности и неизбежность искания армянами новых директив народы Кавказа должны учесть самым серьезным образом. В собственных своих интересах они обязаны оказать все возможное содействие здоровой эволюции армянских политических настроений.

В изменившейся коренным образом исторической среде, в условиях ничего общего с довоенной и дореволюционной ситуацией не имеющих, нам всем необходимо найти в себе мужество освободиться от опасного гипноза печальных призраков прошлого.

К стоящим перед нами вопросам мы должны подойти с ясной мыслью и твердой волей строить новую жизнь на реальных данных сегодняшнего дня, а не на нездоровых

пережитках канувшей в вечность исторической эпохи...

Мы надеемся, что трезвый анализ всех факторов международного порядка и внимательное изучение обстановки, сложившейся за годы советского владычества на местах, продиктуют наиболее чутким элементам армянской общественности окончательно повернуться лицом к Кавказу и принять лояльное участие в усилиях, направленных к созданию Кавказской Конфедерации. Наша задача заключается в том, чтобы облегчить работу этих элементов, помочь им ускорить эволюцию широких армянских слоев в желанном для нас направлении. В этих целях мы должны дать себе ясный отчет в том, что армяне могут стать искренними сторонниками Кавказской Конфедерации лишь при осуществлении двух основных предпосылок. Во-первых: армяне должны быть уверенными, что на всей территории будущей Конфедерации они будут не обделенными пасынками, а равноправными членами единой Кавказской семьи; во-вторых, и это обстоятельство, по соображениям психологического характера для настоящего поколения армян, повидимому, имеет первенствующее значение, у армян должно появиться ощущение, что Кавказская Конфедерация надежным образом ограждена от всякой внешней опасности, или вернее — будем называть вещи собственными именами — что она не угрожаема со стороны Турции.

Что касается первого условия — то разрешение его всецело зависит от самих Кавказцев. В этом отношении, по нашему глубокому убеждению, им могут и должны быть даны конкретные гарантии. Безсмысленно говорить о единстве Кавказа, об общности политических и экономических интересов Кавказских народов, если мы не можем или не хотим взять на себя обязательство стремиться к созданию на Кавказе такого строя при котором

каждый азербейджанец или армянин, каждый горец или грузин чувствовали бы себя одинаково дома и в Баку, и в Эривани, и в Тифлисе, и во Владикавказе. Если мы искренни и последовательны в исповедовании нашей политической веры мы не должны затрудняться просто и ясно сказать, что никаких политических и экономических барьеров между отдельными частями Кавказа мы не мыслим. Еще меньше, конечно, мы можем допустить возможность повторения былых споров из-за Нахичевани или Ахалкалак, из-за Абхазии или Загатал... Каждому из нас должно быть очевидно, что свободная и независимая Кавказская Конфедерация не может дать народам Кавказа в смысле их внутреннего устройства и мирного размежевания меньше, чем Закавказская Советская Федерация...

Значительно сложнее вопрос о внешней безопасности. В этом вопросе никаких конкретных гарантий сегодня народы Кавказа дать армянам, к сожалению не могут, как не могут армяне вместе с другими народами Закавказья дать гарантию в том, что Сев. Кавказ не станет в будущем предметом агрессии со стороны России или какого нибудь другого нового государственного образования на севере. А между тем горцы в такой гарантии нуждаются не меньше армян.

Подобные гарантии могли бы исходить только от тех держав, со стороны которых мыслится угроза, или быть результатом международных соглашений Кавказской Федерации с различными государствами, заинтересованными в ее существовании. Реальная постановка вопроса в этой плоскости есть дело будущего. Задача сегодняшнего дня как раз в том и заключается, чтобы подготовить необходимые элементы такой именно его постановки. В тех же конкретных условиях, в которых сейчас мыслится этот вопрос, нам прежде всего необходимо в борьбе уничтожить все возмож-

ные поводы для конфликтов с нашими соседями на юге и создать у них уверенность в том что образование буферного Кавказского государства не менее отвечает их собственным интересам, чем нашим, что осуществление этой идеи явится для них наименее дорогой и наиболее действительной защитой против русского империализма. Наивно было бы думать, что сегодняшняя "дружба" с Советами настолько ослепила Турцию, что она совершенно забыла свою собственную историю и более чем 2-х вековую распрю с Россией. В Анкаре, конечно, прекрасно понимают, что в настоящий момент история послала Турции неожиданную передышку. Эта передышка не может быть долгой. Как только позволят обстоятельства Россия — красная или белая — безразлично, с удвоенной энергией вернется к традиционной своей политике, в которой поколения русских людей видели и видят историческую миссию русского народа. Турция знает, что эта политика в конечном результате означает смерть турецкого народа, как государства и нации...

Советский эпизод на обширной русской равнине итак уж затянулся свыше всякой меры... Над СССР сгущаются тяжелые тучи. Час великих потрясений близится. — Турция не может не думать о наилучшем использовании ситуации, которая создастся в момент неизбежного крушения советского строя, для защиты своих восточных границ. Предлагаемая нами формула буферного Кавказа объективно вполне отвечает интересам Турецкого народа и Турецкого государства. Вопрос, однако, в том, могут ли государственные люди Турции поверить в практическую осуществимость и жизнеспособность этой комбинации.

Мы должны признать, что наличие армян, как одного из слагаемых Кавказской Конфедерации не может не быть серьезным камнем

преткновения для освоения турками этой идеи. Роль Кавказской Армении в качестве плацдарма для всех наступательных операций России в глубь Анатолии была слишком значительной. Справедливость требует признать, что делавшиеся Турцией армянам, во 2-й половине 19 века, упреки в том, что она служила прояскам русской дипломатии и является проводником русской экспансии на Восток, не были лишены основания. Мировая война показала до какой жертвенности в этом отношении был способен пойти армянский народ...

Дело было, конечно, не в какой то особенной любви армян к России. Брак Армении с Россией был браком не по любви, а по расчету. Армяне верили в содействие русской дипломатии и русского оружия делу осуществления их национального идеала.

Расчет этот оказался ошибочным. За эту роковую ошибку армянский народ заплатил дорогой ценой. Еще одна кровавая страница армянской истории закрыта. Теперь перед армянами открывается новый путь, выбранный недавно Грецией, судьба которой в последних событиях во многом аналогична с судьбой Армении. Станет ли на этот путь армянский народ? Найдутся ли среди ответственных армянских деятелей мужественные люди способные безтрепетно взглянуть в глаза суровой действительности и сказать своему народу горькую правду? Если в грядущий решающий час Армения найдет своего Венизелоса и попяв вею опасность и бесплодность политики мести и печали, признает исходной базой своего государственного строительства безоговорочное принятие установившегося территориального "статус кво", то предлагаемая нами форма конфедеративного устройства Кавказа, представляется нам единственной формулой, способной дать наиболее совершенное разрешение жгучей проблемы армяно-турецких отношений в настоящем и открыть широ-

ко двери для доверительной и дружественной постановки всех интересующих стороны вопросов в будущем.

По совести, другого выхода отвечающего интересам армян и способного примирить и объединить их интересы с интересами других Кавказских народов, мы не видим. Армянам не следует упускать из виду, что для их Кавказских соседей твердо и окончательно ставших на путь политической независимости Кавказа никакие территориальные конфликты с Турцией немислимы. Наоборот, их усилия естественно будут направляться к все большему углублению и упрочению дружественных с ней связей. Армяне должны признать, что иной позиции у Кавказцев, одушевленных непоколебимой волей к отделению от России и созданию собственного свободного государства, быть не может.

Эта позиция логически вытекает из объективных данных нашей географии, векового исторического опыта и весьма веских соображений этнического и психологического порядка, которых ни один кавказский политический деятель игнорировать не может.

Армянам, думается нам, не мешает серьезно задуматься также над тем, что их отсутствие в работе направленной к освобождению Кавказа, их отчужденность от политической активности Кавказской эмиграции, может быть остолкована и толкуется многими как новая ставка на Россию и оттапливание от политических устремлений их Кавказских соседей...

Мы охотно допускаем, что это распространенное мнение не вполне отвечает настроениям большинства политически мыслящих армян — особенно кавказских выходцев, но нельзя не признать, что внешняя видимость дает некоторую нищу для таких умозаключений.

Не в интересах ли армян положить конец такому экивоку?

Не настало ли время ответственным армянским деятелям выступить перед широкой кавказской аудиторией с изложением их понимания стоящих перед нами политических целей?

Мы можем заверить их, что со стороны

политической группы об'единившейся вокруг нашего журнала они встретят самое внимательное отношение и искреннюю готовность объективно и беспристрастно разобраться во всех интересующих их вопросах.

Страницы Кавказа к их услугам.

Гайдар Баммат

Французская политика и наши чаяния

Безполезно было бы скрывать все наше огорчение, всю нашу душевную драму, когда мы, живущие в продолжении стольких лет среди этого великого и славного народа, в этой гостеприимной стране ставшей как бы нашей второй родиной, замечаем, что курс внешней политики взятый ее правящими кругами не всегда соответствует нашим чаяниям и желаниям.

В качестве благодарных гостей, нашедших такой теплый и душевный прием, мы, конечно не можем не уважать тех побуждений и причин кои заставляют руководителей французской внешней политики искать интересы своей страны там, где они полагают или уверены их найти, и в этом отношении, разумеется, мы не имеем никакого нравственного права ни вмешиваться в направление этой политики, ни тем более стараться ставить какие бы то ни было искусственные преграды к ее осуществлению.

Нам остается лишь скорбеть, имея может быть то утешение, что мы не одни в нашей скорби, с нами весьма значительная часть самого французского народа, которая скорбит о том же.

Излишне, конечно, разъяснять, что речь идет в данном случае о том курсе внешней политики, которая касается советов. За по-

следние два года, по почину видных политических деятелей левого лагеря Франции, нашедших опору в парламенте созыва 1932-го года, где доминирует тот же левый элемент, правительство республики наметило довольно решительный и крутой поворот в своей традиционной политике и пошло на известные шаги к сближению с Москвой. Надо отдать справедливость французскому народу, курс этот, за некоторыми исключениями, не встретил сочувствия в общественном мнении страны и политические деятели Франции являвшиеся горячими сторонниками франко-советского сближения, были не раз сильно раскритикованы французской общественностью.

События происшедшие в начале этого года, как известно, имели своим последствием и те результаты, что не мало сторонников франко-советского сближения должны были "отойти в тень". На смену им явились новые люди, среди которых имя Луи Барту, ставшего во главе внешней политики Франции, может служить для нас недурным предзнаменованием. Луи Барту, бывший председатель совета министров и принимавший участие в составе ряда кабинетов, принадлежит к той категории французских политических деятелей, которые относятся к *классической школе*, если только можно это определение перенести в область

политики. Властятый писатель, видный член Французской академии, человек с необыкновенной эрудицией выказанной им в отправлении своих *разнообразных* обязанностей, как министра так и главы той или иной миссии, Луи Барту является выразителем того течения французской государственной мысли, которая берет свое начало в коренных свойствах самого французского народа. Никакие "привходящие обстоятельства" не могут для него служить какой бы то ни было базой.

Вот почему все искренние друзья Франции встретили появление Луи Барту на посту руководителя внешней политики Франции с особенным удовлетворением.

Для нас, кавказцев, имя Барту связано с той эпохой французской политики, когда ряд виднейших ее представителей, от Бриана до Пуанкаре, был непоколебим в признании за нами права на самостоятельную жизнь.

Вспомним один эпизод из этой эпохи, когда весь французский парламент и глава правительства, лишний раз демонстративно *подчеркнули* эту концепцию.

Вопрос шел о знаменитой Генуэзской конференции, когда оказалось, что некоторые закулисные переговоры относительно нашей нефти привели Ллойд Джорджа к идее "лансирования" большевиков на международной политико-экономической арене.

Получалась такая картина, когда по мысли некоторых деятелей Союзников, Советы допускались на эту конференцию, как законные обладатели этой нефти, которой они собирались спекулировать на мировом рынке.

Дабы предотвратить это положение, кавказские представители при Мирной конференции возбудили ходатайство перед "Консей Сюпрем" о допущении так же и их на Генуэзскую конференцию для защиты своей точки зрения и прав их народов перед цивилизованным миром. К сожалению, не смотря на доб-

рое расположение французских кругов и на настояния Бриана и Лусера, представлявших Францию на Каннской конференции, которая предшествовала Генуэзской, это ходатайство кавказских представителей, благодаря закулисным интригам, не могло быть удовлетворено. Тогда уже возник вопрос о том, чтобы хоть не позволить большевикам говорить от имени кавказских народов и, тем более, торговать их добром.

Вот эту-то позицию и должна была поддержать французская делегация на Генуэзской конференции, во главе которой стоял г. Барту.

Приводим в виде исторической справки нижеследующий отрывок из отчета этого знаменательного заседания французской палаты, от 1 апреля 1922 года, где обсуждался этот вопрос.

Раймонд Пуанкаре, председатель совета министров: — Когда говорил о Турции, я думал о вопросах которые мне поставят сейчас — об этом меня предупредили — и кои имеют отношение не только к Турции, но и к Кавказским государствам ("Эта дю Коказ"). Об этом меня уже запрашивали на вчерашнем заседании. Одинаковый ответ (который был дан относительно Турции. *Редакция*) был дан некоторыми из наших союзников и по отношению к Кавказским государствам. Они сказали: "Мы не сумеем покончить с вопросом, если мы выйдем за пределы Европы и будем приглашать весь мир". В Каннах было условлено, — то о чем я говорю это уже прошлое, так как доклад мой ретроспективный и мы находимся перед уже заранее принятыми решениями — что не пригласят ни Турцию, ни Кавказские государства.

Г. Эррио: — Что касается Кавказа, это должно быть ошибка, так как Кавказ является частью Европы.

Г. Жан Эннеси: — Так же, как и Константинополь.

Председатель совета министров: — Это довольно трудно разрешить, где находятся государства расположенные на юге Кавказа — в Европе или в Азии. Я не могу его разрешить. Я объясняю лишь то, что было сказано. Прибавлю, что французское правительство заметило по этому поводу — полагаю, что не ошибаясь, — что мы признали “де юре” Грузинское государство и что оно попросило допустить в Генуэю хотя бы его одного.

Г. Аристид Бриан: — Верно!

Председатель совета министров: — По отношению Грузии привели те же самые замечания, что по отношению других государств Кавказа.

Г. Эрнест Утрей: — Не было ли так же условлено, что кавказский вопрос не будет возбужден на Генуэзской конференции? Вот что существенно, и вы отлично понимаете всю важность моего вопроса.

Председатель совета министров: — Я уже имел сейчас случай, господин Утрей, услышать от вас с места эту самую формулу. Я думаю, что она чрезмерна (“экссессив”). Было сказано, что не пригласят Кавказские государства. Было указано г. Бриану — если я ошибаюсь, г. Бриан и г. Лушер меня направят...

Г. Бриан: — Нет, это вполне верно!

Председатель совета министров: — ...что хотя Грузия и была признана “де юре”, с ней должны обращаться (“эль деве этр трэте”) как с другими кавказскими государствами и потому она не может быть приглашена.

Г. Бриан: — Верно!

Г. Лушер: — Совершенно верно!

Председатель совета министров: — С тех пор, Советская Россия выразила претен-

зию прибавить к списку ее делегатов представляющих самую Россию (“ла Рюси пропремен дит”), других делегатов, кои должны представить Кавказские государства, под тем предлогом, что она занимает насильно эти самые государства Кавказа. Разумеется, что раз Грузия, признанная “де юре” не могла быть принятой на Генуэзскую конференцию, то еще с большим основанием, полагаем — и мы это об’явили прямо — что *Россия не имеет права представлять сама государства на территории которых она вторглась* (“к’ель а энван”) и *оккупировала насильственным образом*. (Аплодисменты в центре, справа и на различных скамьях слева).

Надо воздать должное г. Барту: он с честью выполнил свою миссию, не позволив ни самому Чичерину говорить от имени Кавказских республик, ни сделать это посредством припасенных “на всякий случай” Нариманова и Мдивани.

Но зло было сделано: Чичерин уже был “лансирован”, и мировое “любопытство” было уже порядком задето той рекламой, которой большевики и их покровители сумели окружить свое выступление на этом первом для них мировом турнире...

Здесь уже Франция была не при чем.

Те или иные сношения между государствами не суть какая то постоянная величина: дипломатия имеет свои законы, свои помыслы и свои побудительные силы, подверженные тем же законам которые регулируют отношения между индивидуумами. С другой стороны, то что на дипломатическом языке называется “об’ективными причинами”, на самом деле вполне может происходить от “суб’ективных оценок”.

Вот почему, когда тот или иной отдельный политический деятель провозглашает принципы и положения так сильно разнящиеся от

веками установленных концепций самого народа, мы не должны считать это окончательным “профессон де фуа” данного народа.

Для кавказцев, никогда не признававших советского владычества, ни прямо, ни косвенно — по формуле “по столько по сколько”, как мы это замечаем среди некоторой части русской эмиграции — было утешительно констатировать, что даже самый текст официального признания Советов Францией не исключал понятия о принципе их самостоятельного существования, так как признание этой власти, обуславливалось моментом признания ее внутри самой страны (...“на территориях, где она признается самим населением”).

Мы, конечно, не можем претендовать на то, чтобы Франция порвала с Советами и приняла бы по отношению к ним позицию обратную тому что диктуют ей ее интересы. Но в запасе дипломатии имеются всегда такие доводы и аргументы, которые могут разрешать безболезненно самые деликатные, самые сложные вопросы.

В благополучном разрешении этих вопросов, одним из которых является Кавказская проблема, может заключаться и осуществление наших чаяний.

На новое национальное правительство Франции, возглавляющее страну в этот трудный и ответственный момент мы возлагаем в этом отношении большие надежды.

Мы полагаем, что предстоящая поездка нынешнего руководителя французской внешней политики в Варшаву, могущая дать ему возможность ознакомиться лично и в самых деталях с положением дел на Востоке Европы в связи с новым курсом польской внешней политики, — послужит на пользу для необходимой некоторой “переоценки ценностей”, результатом чего может явиться сдвиг с мертвой точки и нашего кавказского вопроса и перемещение его на ту международную позицию, на которой она находилась в эпоху правления Бриана, Пуанкаре и самого Барту.

* * *

„27-го апреля“

День азербайджанского национального траура. По беспощадным законам логики, день горестный, можно сказать с уверенностью, не только для одного Азербайджана, но и всего Кавказа. В этот роковой день юный стебелек государственного организма Азербайджана, — а вскоре после него и Армении и Грузии — только что обретшего вновь после столетнего перерыва, свою былую независимость, был растоптан вновь самым грубым и коварным образом.

Коварным, так как, враг с севера, при-

шел на этот раз под видом “доброжелателя” и не с целями агрессивными.

В радиотелеграмме посланной 2-го января 1920 года, Чичериным, комис. внеш. дел Советской России, на имя министра внешних дел Азербайджанской республики, и в которой Чичерин предлагал этой республике, а так же Грузии, войти с Советами в переговоры для заключения военного союза против генерала Деникина, говорилось между прочим следующее:

“Советское правительство считает нуж-

ным добавить, что контр - революция на Юге является смертельным врагом не только Советской республики, но и всех маленьких народов входивших в состав бывшей Российской империи... Мы убеждены, что рабочие и крестьяне Грузии и Азербайджана чувствуют, в нем своего врага; мы убеждены так-же, что они ждут с нетерпением дня, когда белая гвардия, этот барьер между советской Россией и Кавказом, будет раздавлен и установятся сношения между различными народами кои жили прежде на рубежах одной страны... Настоящие интересы азербайджанского государства и интересы трудящихся масс должны диктовать Азербайджану принять наше предложение”.

Таким образом, большевики, хотя и на свойственном для них особом дипломатическом жаргоне, обращаясь к Азербайджану и Грузии, как к отдельным государствам, как это делали они раньше и в отношении Горской Республики, сулили им “идиллическое” соседство, для которого помехой являлась лишь белая гвардия...

Какая злая ирония!

Это утверждала та самая власть, которая как это выяснилось впоследствии — не переставала ни одной минуты работать на разложение и взрыв этих самых государств, которых она приглашала совместными усилиями снять разделявший их “барьер”...

Большевики *подкрались* к Азербайджану и благодаря своим местным сообщникам, сумели должно быть затронуть некоторые чувствительные струнки известных политических течений, чем ослабили силу сопротивления правительства оказавшегося не вполне свободным в своих действиях...

Горестный день, который омрачается еще больше тем обстоятельством, что многое еще в этой печальной эпохее остается для нас, оказавшихся в этот день вдали от родины, не

исполне ясным. Много наболевших вопросов остается до сих пор без исчерпывающего ответа...

Не будем углублять этих еще свежих, не заживших ран на измученном теле нашего народа; когда этот народ, никогда не жалевший отдавать свою кровь в минуты надобности, сумеет обрести вновь свою независимость, он сам вскрыет эти раны гораздо лучше чем может это сделать перо историка.

Сделаем лишь некоторые выводы необходимые для закладки будущего, более прочного фундамента кавказской государственной жизни.

День 27 апреля 1920 года показал с еще большей, — увы, жестокой — убедительностью, насколько непрочно было устраивать в этом крае с общим историческим прошлым, представляющим к тому же одно географическое целое, отдельные, чуждые друг другу государственные организмы, и насколько не прочна судьба Закавказья без Северного Кавказа, естественного, Богом и природой созданного их союзника и защитника, завоевавшего эти качества на виду не только своих южных соседей, но и всего мира. После разгрома Горской республики, государственное здание закавказских народов оказалось опирающимся лишь на три колонны, что противоречило основному закону строительного искусства. — оно развалилось при первом же толчке. Ребенок и тот поймет, что для Азербайджана иметь границу с Россией где нибудь на Яламе, это значит жить на кратере еще не потухшего вулкана. Утверждать, что такая делимитация не грозила бы ничем Азербайджану — а с ним и всему Закавказью — это значило бы относиться к самой идее независимого существования этого государства *несерьезно*, не верить в нее или же иметь какую-то иную заднюю мысль, непостижимую для лояльно

мыслящего деятеля, не ведающего ни тайн, ни “тонкостей дипломатии” с развитой черзчур “сложной психологией”.

Азербайджанское правительство, впрочем, понимало все значение более прочного размежевания с Россией на севере и в эпоху когда генерал Деникин, вопреки установленной союзным командованием известной демаркационной линии, захотел продвигаться к югу, азербайджанское правительство энергично запротестовало перед Союзным командованием против этого маневра; требуя чтобы генерал очистил район Дербента. Когда большевики заменили Деникина и отмечали свое продвижение на юг “ураганным огнем” своей словесной, печатной и всяческой иной пропаганды, азербайджанское правительство оставшись без военных сил, занятых подавлением восстания поднятого армянами на Карабахе, при весьма загадочных и подозрительных обстоятельствах, окруженное с одной стороны изменой, а с другой панически настроенной обывательщиной в лице некоторых “партийных” группировок опутывавших его своими наветами, надо полагать, не имело уже физической возможности предотвратить это опасное соседство...

События 27 апреля и их последствия еще показывают нам всю бесполезность и вред увлечений чужими образцами и модными “величиями” — своего рода снобизмом — в части касающейся не только образа государственного правления, но и связанных с ним некоторых социально - политических нравов и манер. Вышло так, что некоторые из кавказцев приняв во внутренней борьбе России черзчур уж ретивое участие, увлеклись до того, что, не считаясь с законами естественного исторического процесса развития своих народов, приостановленного век тому назад русским завоеванием, перевели по инерции некоторые болезненные формы сопровождавшие

процесс исторического развития *русской* государственности, на родную почву, имевшую совершенно иные социальные условия, иные предпосылки для своего нормального развития. Заветы русской “демократии” почему-то стали каким-то непреложным законом для других, даже после того, как они официально отделившись от России, стали на путь своей государственной самостоятельности. Азербайджанцы не шли так далеко в их участии в борьбе касающейся самой России; их деятели участвовали в политических группировках и в органах народного представительства империи по столько посколько это сулило им ту или иную эмансипацию их народа в смысле *политической независимости*, — социальная подоплека вопроса их не занимала.

Но положительно “демократизм” с его опасной демагогией, для народов политически молодых, еще не подготовленных, при том же находящихся лишь в *зачаточном состоянии* своей новой, независимой жизни, оказался разительным и продуктивным силы передовых элементов нашего народа фатально расплылись в атмосфере разгоревшихся страстей, жажды власти, страстных полемик и пр. и пр...

Керенщина была неизбежна. А большевизм шествовал сейчас же по ее следам, с его коварным обманом, подкрепленным для большей убедительности, 60 тысячной армией...

**
*

27 апреля 1920 года азербайджанский народ был обманут.

Ганджинское майское восстание явилось логической реакцией против этого грубого обмана, против узурпаторов принесших пушки и разстрелы вместо обещанной оливковой ветви.

Ганджинское восстание явилось символическим *коррективом* внесенным в страницы истории молодой азербайджанской государственности.

В этой исторической и красивейшей главе азербайджанского туркизма, где в январе 1804 г. Джавад хан, этот “феодал” без хитростей, без мишуры и без “сложного государственного аппарата”, предпочел для себя и для своего сына героическую смерть позорной сдаче вверенной ему народом крепости, азербайджанский народ воочию доказал, что *он-то* сумел сохранить во всей целостности славные тра-

диции турецкой расы, на которые не могли влиять разлагающие идеи ни русской “революционной демократии”, ни персидского сектаризма типа бабекизма - маздакизма.

Склоним низко головы перед памятью этих достойных сынов Азербайджана, павших смертью героев, а так же тех наших государственных, политических и общественных деятелей, которые мученически погибли от руки врагов азербайджанского народа.

Джейхун бей

К вопросу общекавказского фронта

По всем данным наблюдения Кавказ вступил в новую фазу своей исторической жизни, со дня трагического конца недавних национальных свобод его народов.

Это интенсивное пробуждение сознания об общности национальных целей и о путях их осуществления. Сознание это быстро вылилось в волевую реакцию и вызывает к жизни определенные практические усилия для организации общекавказской борьбы за свободу.

История Кавказа не знает другого примера такого национального единения Кавказских народов, такой предварительной программной согласованности и целей и образа действий.

Собрание Кавказа изнутри, когда оно имело место, всегда бывало результатом единой воли национальной, которая в свою очередь обуславливалась ростом государственной мощности данного народа.

Золотой век грузинской царственной мощи, обязанный своим возникновением геи-

альному государственному творчеству Давида Возобновителя, дает наиболее ярко выраженную иллюстрацию такого рода собрания изнутри. Но этот процесс не смог получить своего окончательного завершения, — Грузия была обезсилена для этой роли в результате последовавших монгольских и мусульманских нашествий, а заместителя для этой миссии на Кавказе не нашлось.

Сегодня воля собрания идет из глубин массовых инстинктов народов Кавказа и ей готов служить весь сознательный национальный рефлекс.

Это первое и вместе с тем самое глубокое народное течение в пользу Кавказского объединения во имя борьбы против иноземного господства, которое приходится переживать на Кавказе. Это — первая единовременная манифестация свободных и самостоятельных волеизъявлений, почин Кавказских народов, идущих навстречу друг другу для святого дела освобождения общей родины и закрепления ее государственной будущности.

Иначе и быть не могло: Кавказ перетерпел не мало бед. Он видел неоднократное иноземное господство то монгольских, то мусульманских, то христианских завоевателей. Каждый раз он терял много крови, национальных ценностей и родной земли. И каждый раз, тем не менее, у народов Кавказа оставался нетронутым какой то запас национальных сил и достоинства, что и позволяло переживать болезненную утрату других атрибутов суверенности.

Никогда никто не попирал с таким ожесточением, с таким безпредельным кощунством, как теперь, одновременно все основы морального национального бытия Кавказских народов. Никогда Кавказ не переживал такого острого и всестороннего оскорбления, такого циничного надругательства над всем тем, что определяет национальную совесть всякого народа!

И реакция Кавказа на эту смертоносную заразу занесенную вражескою рукой в глубь его организма, была как и следовало ожидать, самого высшего напряжения. Все потенциальные возможности самозащиты учтены и направляются все усилия для их постепенной реализации.

Самым основным в этом деле фактором признается, конечно, создание Кавказского фронта под знаменем борьбы за свободу, на основе единой Кавказской общенациональной идеологии. Таково народное чувство, и сознание на местах и в Грузии, и в Азербайджане и среди горцев, и среди армян.

К сожалению, этого нельзя сказать о всех руководящих кругах этих народов, в особенности о тех из них, которые пребывают в эмиграции, вдали от Кавказской действительности и психологии родного народа. И в этом именно факте мы усматриваем самую слабую сторону народившегося общекавказского движения.

В этом отношении исключительное положение занимают некоторые руководящие круги армянской эмиграции. Они до сих пор отмежевываются от того общекавказского национального движения, которое является единственным положительным приобретением в счете всех наших былых несчастий и которое ставит своей целью освобождение Кавказа и утверждение его независимого государственного существования.

Об эту их позицию разбивается принцип кавказской солидарности, стало быть и самая идея национально согласованных свобод Кавказских народов. Вопрос жизненного значения, как для армян, так и для всех остальных Кавказских народов.

Не входя в разбор мотивов и причин этого явления, мы высказываем наше искреннее пожелание, чтобы эти ответственные армянские круги подвергли пересмотру отрицательную позицию, занимаемую ими до сих пор в вопросе их участия в общекавказском освободительном движении, и пусть они во главе своего народа, заодно и сообща с соседями открыто выступают на служение высшему идеалу освобождения наших народов ради создания общего независимого Кавказского государства.

Мы хорошо понимаем какую жгучей болью болит душа армянского народа. Он и есть тот самый народ, который пропорционально, может быть дороже других расплатился за мировую войну.

Нам, может быть, больше, чем другим, понятна вся острота национального страдания армян. Кто из Кавказских народов не подвергался тяжелым ударам с юга и с севера?

Но сегодня надо спасать то, что осталось у каждого из нас, от страшных крушений прошлого. Ведь история нашей земля не кончается вместе с нами, и перспектива будущего остается открытой. Это поняли и социали

наши народы на местах, где и ведется активная работа в этом направлении в тяжелых условиях оккупационного режима.

Чрезвычайно осложнилась бы наша задача, если бы армянские руководящие круги окончательно стали действовать наперекор Кавказскому освободительному движению, вообще исключив из него участие армянского народа.

Тяжела будет ответственность за такую рознь, и нам думается, что здравый смысл армянских политических деятелей и их испытанный патриотизм положат конец старому порядку вещей, дабы связать судьбу армян с судьбою других Кавказских народов и общими усилиями обеспечить будущую свободу и благополучие Кавказа и всех его сынов.

Сп. Кедия

Вечные ценности

В трех номерах "Кавказа" мы попытались познакомить наших читателей с идеями, с которыми мы подходим к проблеме освобождения Кавказа. Читатель не мог не заметить, что формируя нашу политическую идеологию, мы отходим от традиций русской радикальной интеллигенции и методов ее работы, в свое время усвоенных нашими политическими словами. Это было неизбежно. Воспитываясь в русских школах и на идеологии русской интеллигенции, мы были частью этой интеллигенции. Последняя, как показал опыт революции, оказалась без всяких корней в народе, а пересадка этих традиций на Кавказскую почву не дала никаких положительных всходов. К счастью для нас и для Кавказа интеллигенция наша, молодая по возрасту, не успела оторваться от народа. Обстоятельство очень важное, чтобы определить наше место в грядущих событиях и испытаниях, которые выпали и еще выпадут на долю Кавказа.

Задачи, стоящие перед нами и роль, которую мы должны сыграть в судьбах нашей страны, совершенно отличны от задач и роли русской эмиграции. В то время, как русская эмиграция выброшена с родины своим народом: армией, крестьянством и рабочими,

кавказская политическая эмиграция вынуждена была уйти с родины под напором оккупационных армий белой и красной России, при чем мы уходили при живейшем содействии и под прикрытием всего народа. Последний был уверен в том, что вынужденное наше расставание не надолго. Вот фактическое положение дела. Это необходимо помнить.

Политическими утопиями наши народы никогда не увлекались, если не считать печального опыта грузинского социал-меньшевизма, к счастью уже окончательно разложившегося, а после большевицких опытов потерявшего всякую почву в стране. Народы Кавказа не теряют надежды на избавление, и надежда эта, повидимому, крепнет, покоясь на совершенно реальных соображениях. Так, например, получены известия с родины от старого политического деятеля, который сообщает:

"Все надежды на войну и на вас, уверены, что вы не сидите сложа руки. Наши народы приветствовали бы какую угодно интервенцию, интервенцию и черта, лишь бы освободиться от ненавистного гнета"... Вот категорический императив, адресованный кавказской политической эмиграции.

В этом известии все ясно и понятно. Все, что нам известно о положении на Кавказе, об'ективно заставляет верить, что это есть голос всего Кавказского народа. Подобные информации, требовавшие от нас активности, получались нами и раньше, но теперь, в связи с общей международной обстановкой, эти призывы приобретают значение приказа для тех, кто верит в будущее Кавказа и его освобождение. Каковы же наши ближайшие задачи?

**
*

Само собой разумеется, что не несколько тысяч эмигрантов с оружием в руках могут освободить Кавказ. Основной и главной нашей задачей является осведомление правительств мировых держав о политическом положении на Кавказе и на Востоке Европы, а самое главное о политических устремлениях, прочно оформившихся у народов Кавказа. Короче говоря, на нас лежат исторические задачи, вытекающие из факта нашего пребывания в Европе.

Но осуществление этой важнейшей нашей задачи крайне затруднено отсутствием в кавказской семье армян. У нас, горцев не было острых споров с армянами, азербайджанцами и грузинами, быть может это позволяет нам быть в этом вопросе об'ективными, и мы полагаем, что армянской позиции наблюдателя должен наступить конец. События идут гораздо быстрее, чем мы размышляем. Армянам далее будет трудно откладывать решение вопроса — с кем? *С Кавказом или против Кавказа?*

Другой задачей, не менее важной и трудной, является моральное освобождение и очищение наших народов от всего наносного и искусственного, чуждого не только психологии, но и социальному и общественному быту наших народов. Мы имеем ввиду марксизм

всех наименований и толков, который даже за годы революции и большевизма не так уж много нашел последователей на Кавказе. Глубокие раны однако нанесены марксизмом нашим народам. Потребуется длительное и серьезное лечение. Многовековая история Кавказа не знает момента такого унижения, такого угнетения личности и народа, как ныне царствующий у нас режим марксизма. Тяжко живется и самому русскому народу, но куда мучительнее страдания народов Кавказа. Здесь свобода личности в течение веков была возведена в культ, чего ни кто не мог так удачно выразить словами, как это сумел гений поэта: "Их Бог — свобода, их закон — война". Столчские народы Кавказа, издревле привыкшие к военным лишениям, легко переносили бы и нищету, и голод, но не могут перенести уничтожения личности, механизированной и этатизированной. Понятия свободы и равенства, давно ставшие духовной принадлежностью всякого культурного человека, снова сделались непостижимым идеалом в СССР. Над этим тоже нам придется не мало поработать.

**
*

В борьбе за освобождение и независимость Кавказа мы должны отдать себе отчет в том, в каких местах больше бьет нас советский режим. Бесспорно, что Москва нанесла самый тяжкий удар нашим семейным устоям; жесточайшие атаки были сделаны для разрушения нашей семьи, против нашего традиционного воспитания в преданности семье, нации и родине. Борьба за эти начала, за их возрождение должна быть начертана на нашем знамени. Наши народы, ждущие от нас действительной инициативы и помощи должны знать наше моральное лицо.

Много воды утекло с тех пор, как мы ли-

шились родины. За это время, Бог знает какими идеями мы могли проникнуться. Всякие превращения возможны, тем более что о происходящем в Европе, и о силах могущих влиять на нашу психологию там не имеют ясно-го представления. Положение затуманивается еще тем, что Европа дает Советам много дипломатических побед и кредитов. Потому нам не нужно смущаться декларированием таких положений, о которых говорить теперь в культурном мире было бы незачем: в советском раю все это ново. На Кавказе должны знать, что мы свято чтим мораль наших народов и ставим своей задачей борьбу за ее спасение.

**
*

Буржуй, кровопийца, кулак, подкулачник, пролетарий и пр. такие понятия не имеют себе места в быте народов Кавказа. На языке большинства кавказских народов эти термины непереводаемы, так как жизнь наша не знала такого деления общества. Теперь жестокими мерами, вот уже 13 лет, Москва пытается привить нам эти чуждые понятия. Се-

годня, на новых путях борьбы за освобождение нашей страны, мы должны сказать, что в этих великих испытаниях мы остались верными традициям Кавказа. Борьбе классов мы противопоставляем об'единение народа, коммунизму — свободную инициативу личности и общества, как в области мысли, так равно и в области хозяйственной деятельности, торговли и в развитии наших богатых экономических ресурсов.

Вот что должно быть начертано на нашем знамени, если мы хотим, чтобы наш голос и голос "Кавказа" был услышан там.

Все это — азбучные истины для всякого культурного человека. Но не нужно забывать, что большевизм не только затормозил развитие наших народов, но отбросил их далеко назад. При таком положении эти лозунги снова становятся идеалом для идущих за нами поколений Кавказа. Вот почему нам думается, что мы о них должны и говорить, и писать, и возможно чаще напоминать. Это вечные ценности в жизни народов.

Тамбий Елекхоти

О безумии империализма

III.

Нам уже приходилось говорить о внутренней безсодержательности идеи российско-го великодержавия, об отсутствии для нее национальной основы, о полной неспособности ее использовать ради народного блага. Но и с внешней стороны российское великодержавие наталкивается теперь на препятствия, уже для него неодолимые.

Петр Великий, со своей изумительной го-

сударственной зоркостью, прекрасно понимал прежде всего, что Россия не может стать великой державой, не владея балтийским побережьем. Чтобы действительно охранить Петербург, надо не только владеть Ревелем и даже Ригой, но надо укрепить и Выборг и Гельсингфорс (Свеабург), — мало того — России все время приходилось коситься на Аландские острова.

Это не так себе, не какая-то пустая случайность, что Россия включила в свои госу-

дарственные пределы Финляндию, дав ей широкую автономную конституцию, лишь - бы только отвлечь ее в свою сторону от Швеции. Но, конечно, взаимной симпатии родиться не могло, и по культурному своему уровню финны были всегда неизмеримо ближе к шведам, а руссификаторская политика последних двух царствований окончательно отплатила их от России.

На главном бульваре Гельсингфорса, на так называемой Эспланаде стоял еще при русском господстве большой памятник знаменитому финскому поэту Рунебергу — фигура нагой женщины, которую тяжело охватила медвежья шкура с косматой головой, похожая больше на тушу, чем на одеяние. Говорили — это Финляндия под гнетом России, при чем русские не оспаривали такого толкования, пронизируя со своей стороны — мы одели эту жалкую нищую.

И действительно — Финляндия имела несомненные экономические выгоды от своей принадлежности к Российской империи: сравнительно ничтожные расходы на оборону, да и то лишь за последнее время, а главное: дешевый русский хлеб и рынок сбыта для всех товаров своей промышленности.

Но как в личной жизни, так и в жизни народов: не всегда расчет, сухой математический расчет определяет поступки и судьбу. Весь бытовой уклад Финляндии, вся ее культура, весь духовный облик народа ничего не имеют общего с Россией, и очень родственны странам скандинавским. Вот почему малейший государственный нажим России ощущался в Финляндии, как непереносимый гнет.

Если у финнов еще сохранялось лояльное отношение к царствующей российской династии (по их толкованию они себя считали в положении реальной унии с Россией), то русскую демократию они по просту презирали, и ни с каким русским "прогрессом", ни

эволюционным, ни революционным, итти рука об руку и не собирались: как известно, они отказались выбирать своих представителей в Российскую государственную Думу, а после крушения монархии отделились сразу, не имея и не желая иметь никаких общих дел ни с Временным правительством, ни тем более с рабочими и солдатскими депутатами.

Положение России на Балтийском море очень зорко учитывалось и в Англии, и в Германии, и в особенности — в Швеции. Нельзя было не видеть и не понимать, что дальнейшее расширение и закрепление российского империализма обрекает это море на российское военное господство. Шведы серьезно считались с такой возможностью, — о петербургской угрозе заговорили газеты, популярные брошюры.

Но атмосферу сразу разрядила русско-японская война. Судьба Аландских островов и Стокгольма определилась в Порт-Артуре и в Цусимском проливе. Во-первых, Россия вовсе не так сильна, а во-вторых, после дальневосточного разгрома ей вообще надолго будет не до того.

Англия успокоилась настолько, что король Эдуард VII круто изменил всю политику последних десятилетий. Жерла его дальнобойных орудий уже не метили во Франко-русский союз, а повернулись в направлении Германии. К тому же и император Вильгельм так действовал ему на нервы: "будущее Германии на океанах" и еще: "я — покровитель мусульман всего мира".

Тут интересно отметить мимоходом, как легко вообще поворачивалась Россия в ту именно сторону, куда ее хотели в данный момент повернуть, и как неустойчива была внешняя политика русских императоров. Ориентации менялись без всякой видимой необходимости, без всякой пользы для основных государственных задач.

Но так или иначе — России уже стали гораздо меньше бояться, хотя явно германофильская позиция Швеции во время великой войны об'яснялась, конечно, участием в противогерманской коалиции не Англии и Франции, а именно России.

Теперь обстановка на Балтийском море изменилась радикально. Россия владеет только юго-восточным краем Финского залива, и разумеется — укрепления Кронштадта при современных формах воздушной борьбы ровно ничего не стоят. Петербург обреченный город с первых же дней войны, если только на стороне России не окажутся Прибалтийские государства, включая сюда и Финляндию. Нечего и говорить, что подобная комбинация невозможна ни при каких обстоятельствах.

Сторонники русского империализма не могут, конечно, этого не понимать. Но отказаться от Балтийского моря — это убить в корне самую идею великодержавия — огромная континентальная страна неимеющая нигде никаких морских выходов, потому что говорить теперь о пресловутых черноморских проливах, конечно, еще бессмысленней.

А между тем отказаться от Балтийского моря все-таки приходится.

Что собственно думают сторонники будущего российского империализма по поводу новых прибалтийских республик и по поводу Финляндии? Разумеется, не решаясь иногда это открыто высказать, они тем не менее таят надежду на новое присоединение всей нужной Петербургу Прибалтики, т. е. всего южного побережья и Выборгского района Финляндии.

Исполнимо-ли это теперь? В пределах, конечно, того будущего, которое лежит в поле нашего исторического зрения и предвидения?

Без всяких сомнений — нет. Оставляя в стороне Лигу Наций и даже категорические

запреты великих держав. Расчеты на это, как известно, плохи.

Но Россия, если-бы она захотела вновь овладеть балтийским побережьем, натолкнется бы на самое энергичное сопротивление всех новых республик во главе с Финляндией. Допустим, что это для нее силы сокрушимые, хотя участие Финляндии сразу ставит под угрозу Петербург. Но не в этом дело.

Такого нового укрепления России на Балтийском море не допустят теперь ни Польша, ни Германия. Их именно соглашению и предстоит, конечно, в ближайшем будущем разрешить проблему Балтийского моря.

Можно-ли вместе с тем хоть на одно мгновение сомневаться в том, что всякий агрессивный шаг России в Европе, всякие ее здесь осложнения — будут немедленно использованы и учтены, как подходящий момент, на Дальнем Востоке?

Прибалтийские немцы русских губерний были лояльными подданными Петербурга и династии Романовых. Пожалуй даже самыми лояльными. Почти наполовину петербургская бюрократия вербовалась из немецких и полунемецких семейств: в дипломатии, на высших административных постах, в армии — вы всюду встречали немцев. Это были исключительно честные, культурные, исполнительные работники. В созидании Российского великодержавия участие их было огромно.

Но, как и финны, они не имели ничего общего с русской демократией. Они служили династии и режиму, — отошли с их падением.

Гражданская лояльность и культурное содействие русскоподданных немцев были возможны только в России петербургской, т. е. правившей своим народом как-бы извне, глубоко его на самом деле презирая. Балтийским немцам было по пути только с европеизированными верхами российского дворян-

ства и бюрократии. Никакой зависимости от народных русских низов, от “сынов революции”, будь то большевики или фашисты, они, конечно, допустить для себя не могут.

Шведы, которых немало в Финляндии, финны, эсты, латыши, литовцы, поляки, немцы — все эти народы, не смотря на многие расовые и культурные различия, даже на политические разногласия, все, разумеется, дружно об'единятся в общем порыве, раз дело станет о самозащите против нового натиска России. Участвовать дальше во всех перепетях русских государственных пертру-

баций, зависеть от народа, в своем развитии далеко от них отставшего, еще не перебродившего, с темными инстинктами и невыясненной психологией — на это, конечно, не пойдет никто. А так как общий протест будет неминуемо поддержан не только Варшавой, но и Берлином, — то вопрос соотношения сил уже сомнений не вызывает.

Балтийское море для русского империализма потеряно, и это тоже надо признать.

Интересно теперь кинуть беглый взгляд, как обстоит дело на юге и на востоке.

В. Оленин

Часть или целое

Еще на земском совещании в Тифлисе, созванном Вел. Кн. Николай Николаевичем во время войны, ярко определилась попытка грузинских националистов сговориться с представителями других народов Кавказа, в особенности с поборниками идеи кавказской солидарности, для выработки общего плана действий в пользу национальных течений на Кавказе. Эта попытка была встречена тогда со стороны марксистов и русской администрации с большой злобой и негодованием. Но опубликованное в № 3 “Кавказа” письмо Делегации Республики Сев. Кавк. вскрывает очень важный факт существования в некоторых кругах “кавказских марксистов” абсолютного непонимания кавказской проблемы и ее постановки в действительности не только современной, но и в историческом прошлом.

Политическая традиция Кавказа, исторические факты — свидетельствуют более чем красноречиво, что прочность свободы и независимое существование народов Кавказа всегда обуславливались их солидарностью и об'е-

диненнем в одно государственное целое соответственно переживаемой эпохе. Кавказ знает в истории несколько случаев подобного об'единения кавказских народов, но остановимся на двух примерах.

Самым большим государством на Кавказе считалась Грузия, но она всегда находилась в союзе с другими кавказскими народами, когда переживала эпохи доблести и расцвета. Эпоха Давида Строителя с достаточной ясностью подчеркивает сотрудничество и выдающуюся роль других кавказских народов в деле укрепления общего государства, хотя бы и под эгидой грузинских Багратидов, а в дальнейшем развитие грузинской государственности при Тамаре, Георгии Доблестном и т. д. находилось в прямой зависимости от совместной жизни народов всего Кавказа. Именно в это время появляется формула определяющая мощность тогдашнего государственного строя: “от моря до моря”, чего никогда нельзя было бы достичь без соучастия и сотрудничества соседей, — только на этом

строили тогда Багратиды мощь и славу Грузии, цельность и свобода которой и в эти 11-12 века грузинской славы не мыслимы без ревностного согласования национальных интересов, как мусульманской, так и христианской части Кавказа. Обнимая мощную территорию вплоть до северных провинций Персии и нынешней Турции (до Трапезунда), эта империя состояла только частью из Грузии; грузин было около 6 миллионов, а жителей автономных государств во всяком случае больше числа грузин.

Другой пример, — это царство Ираклия II, который объединил с тогдашней Грузией (конец 18-го в.), т. е. с Карталинией и Кахетией всю кавказскую территорию от Лихского перевала до Дагестана и Ширвана и от Дарьяла до Нахичевани на юге, включая Ганджу, Эривань и т. д. Войска царя Ираклия II состояли не только из грузинских воинов, но и из частей, поставляемых от соседних народов Кавказа; его дипломаты, которых он посылал на юг или север, были не всегда грузинами, а очень часто мусульманами и армянами. Черкесы, осетины, ногайцы, татары, армяне и др. деятельно сотрудничали с царем Ираклием II, государство которого считается не только у нас, но и у европейских писателей примером федерации Грузии с другими народами Кавк. Назову новый труд по истории Грузии: *W. E. D. Allen, A History of Georgia*, где вся деятельность царя Ираклия II и все его царство характеризуется, как счастливый и успешный эксперимент федерации Грузии и частично Азербайджана и Армении. Больше того, автор считает нужным подчеркнуть, что этот опыт 18-го века служит наилучшим доказательством не только возможности, но и необходимости федерации кавказских народов и в будущем. Эта мысль ярко вырисовывается особенно на стр. 196-205, хотя она и высказывается очень осторожно, на английский

манер. Правда, этот общекавказский масштаб диктовался тогда стратегическими и династическими соображениями, но он применялся в действительности не по принуждению, а по доброй воле заинтересованных сторон. И не простая случайность, что именно 11-12 века и эпоха царя Ираклия II считаются славнейшими в истории Грузии, благополучие которой прямо зависит от осуществления идей кавказской солидарности. Бороться за нее — долг грузин.

Методы борьбы за эту идею изменились. Теперь у нас более глубокие взгляды на дело: общность нашего происхождения и расовое единство, сходство народной культуры и духовного уклада вместе с сознанием единой и неминуемой политической судьбы наших народов — представляют более широкую и прочную базу для нашей борьбы в пользу конфедерации Кавказа; а потому и для успеха и победы наших идей имеется ныне гораздо больше шансов, чем это могло быть прежде. Нет ни малейшей для этого преграды в нашей внутрикавказской жизни, ни в области духовно - моральной, ни в какой либо другой. Преграды вносятся только из-вне, и преследовать их можно только общими силами, *честным* единством и *искренней преданностью* общему делу. Сильное, мощное сознание неотвратимой необходимости, неизбежности совместной жизни и согласованных действий наших народов — вот отправная точка единственно правильной кавказской политики. У кого этого сознания нет, тот ни Грузии, ни Кавказу служить не может, и способен только погубить общее дело. Выб Кавказа нет "грузинских статутот". С Кавказом Грузия будет свободна, независима и счастлива и без нынешних "статутот". Не в писанных статутах дело, а в реальных гарантиях географического положения, нашей геополитики, общенародно - расового родства и духовной общно-

сти при сознании взаимной зависимости друг от друга и общность *политической судьбы*. Я скажу больше: *практически* защита грузинской независимости в прошлом вполне была возможна и без юридического признания, которое в момент критической опасности ничего не могло дать, но формальное мышление людей марксистской диалектики привело к пагубным результатам, ибо они видели в этих "статутах" и формах какую-то волшебную панацею, способную возместить реальные гарантии обороны. Признания и формы имеют значение только в связи с реальной национальной силой, способной удержать и на деле их оправдать. Такой реальной силой является для каждого нашего народа целостность Кавказа, как геополитической единицы, организация средств самообороны, а потом уже "статуты и формы" которые могут многое украсить и даже облегчить, но не могут ничего возместить.

Кто не может учесть идею Кавказского

единства, тот не может и не в праве ссылаться на Грузию, ибо в прошлом именно Грузия была исторической колыбелью идеи кавказского единения. К несчастью при меньшевиках эта идея не могла получить своего логического развития, но уже 15 лет народы Кавказа ведут общую борьбу в военных условиях против общего врага с севера; эти 15 лет взаимной помощи и соработничества освятили идею кавказского единения *верою* в друг друга и взаимной надеждой. Что не смогли довершить средние века, то суждено свершить новейшей эпохе новыми силами и идеями: победа кавказского национализма неминуема!

Весь Кавказ в целом — вот наша идея. Кто хватается за часть, тот губит и рушит целое! Нужно отвоевать это целое, чтоб сохранить прочно и надолго всякую отдельную часть, как бы дорога она для нас ни была. Время господства узких доктринеров миновало и кануло в вечность.

Т. О. Маргелашвили

Вперед к новой жизни

(Письмо из Туркестана)

Перевод

С удовольствием ознакомился с журналом "Кавказ" и счастлив, что наши друзья кавказцы во имя национальных целей решают объединиться на базе, изложенной в нем.

Несомненно близко время, когда кавказцы безпримерно долго боровшиеся за независимость наконец осуществят свою волю в пределах своей национальной географии.

Мы, туркестанцы, твердо верим в тот счастливый день, когда миллионы людей, из-

нывающих под красным сапогом Москвы, освободятся от ужасов советской диктатуры. Туркестан, судьбой включенный в число народов жаждущих национального освобождения и возрождения, рассчитывает морально и материально на поддержку и солидарность кавказцев и других родственных народов.

У угнетенных народов есть один и самый жестокий враг — это Сов. Россия, которая не долго будет жить и управлять, опираясь на террор, насилие и обман.

Ни один народ пока он жив, не посту-

нятся своей свободой и территорией, откуда бы не исходили посягательства и насилие.

Нам удалось очистить часть нашей территории от китайцев. Мы надеемся того же добиться и на нашей западной границе.

Освобождение Туркестана мы считаем большим фактором также и для кавказской проблемы, тем более, что безбожная советская Россия, потерявшая свои моральные сп-

ды и шатающаяся на эфемерном фундаменте разрушенного хозяйства царской империи, рано или поздно должна будет уступить национальностям, фанатически преданным своей свободе, традициям и земле — источнику их культуры и материального благосостояния.

Кавказцы! Вперед, к новой жизни, вы не одни!

Джихангир

Сообщение партии „Мусават“

Помещаемое ниже сообщение партии „Мусават“ было получено Редакцией при следующем препроводительном письме.

Глубокоуважаемый

Господин Редактор,

Очень просим Вас не отказать поместить в ближайшем номере Вашего уважаемого журнала прилагаемые резолюции Конгресса партии „Мусават“ имевшего место 18-го декабря 1933 года.

Президиум Общего Собрания:

Халиль Хас Маметли

Рустембейли Шефи

Селим Агасибейли

25 марта 1934 года.

Перевод.

В декабре 1933 года состоялся Конгресс Азербайджанской партии „Мусават“, на котором в связи с общими вопросами было подвергнуто обсуждению и состояние названной партии.

Вынесен был ряд важных решений.

Между прочим, Конгресс, констатировал: *со-первых*, — обострение отношений между

огромным большинством членов партии и председателем ее Мамед Эмином Расул-заде, вызванное расхождением по вопросам принципиального, тактического и организационного характера, *во-вторых*, — самоличные и эгоистические действия Председателя, *в-третьих*, — безформенное состояние партии, центральный орган которой распался уже 2 с половиной года назад и вследствие указанных причин не возобновляется, и *в-четвертых*, — изоляцию партии, как результат системы тайной партийной работы.

На этом основании Конгресс постановил: не считать М. Э. Расул-заде Председателем партии, отгородиться от него и, заменив его другим лицом, восстановить Центральный орган.

Согласно этому решению состоялось избрание как нового Председателя, так и Центрального органа партии.

Вместе с тем Конгресс, отметив, что в условиях переживаемого родиной момента нег места узко-партийной работе, выразил горячее пожелание вступить в теснейшую связь с другими политическими течениями и здоровыми силами страны и всего Кавказа и совместно с ними образовать общий органический фронт освободительной борьбы.

Хроника

В ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ

(От соб. корреспондента).

Бомбей, 25 марта.

Вождь Туркестанского национального движения Гази Ниаз Ходжа Эфенди, в первых числах марта двинулся из Аксу на Кашгар и занял последний. При чем ему и его войскам была оказана восторженная встреча со стороны населения.

Племя Тунгян (китайцы мусульмане) вынуждено было очистить район Кашгара и отступить в юго-восточном направлении.

Ниаз Ходжа Эфенди успешно ведет переговоры с некоторыми государствами о признании и установлении нормальных сношений.

Китайское правительство, опасаясь дружбы, завязавшейся между тунгянами и Советами, стало проявлять к Туркестанскому национальному правительству более благосклонное отношение.

По некоторым сведениям даже состоялось соглашение между правительствами Нанкина и В. Туркестана.

Джанг

— Усиленно циркулируют слухи о неизбежности войны между Советами, Японией и Китаем. Советы заняты на восточных границах, во многих пунктах, фортификационными работами и стягиванием военных сил, в том числе и на туркестанской границе.

— Вследствие голода в России и в В. Туркестане появилось много торговых домов, спекулирующих на вывозе хлеба в Россию.

Заметно сильное повышение цен на хлеб.

В Тобольске царит невероятный голод. Ежедневные бюллетени о числе умирающих приводят в ужас местную власть. По статистике организаций Красного Креста в течение последних двух месяцев число умерших от голода достигло 26.000 душ, в названном районе.

СОБАКИ И БОЛЬШЕВИКИ

Идырь. (От соб. корреспондента).

В виду полного разрушения сельского хозяйства на Кавказе и непрекращающегося голода, число бегущих из Сов. рая с поступлением весенней оттепели особенно растет с каждым днем.

Население группами стремится к турецкой и персидской границам. Советская власть, всеми силами борющаяся с этим явлением, последнее время стала пользоваться для этой цели услугами специально дрессированных собак.

Собачьи кордоны, расставленные по всей линии пограничной охраны, при малейшем звуке, особенно ночью, возвещают лаем о переходе границы и вслед за сим начинается частая стрельба красноармейцев по несчастным жертвам, в большинстве погибающим тут же.

На линии границы, ведущей по рекам Арпагай и Аракс, изо дня в день наблюдается необыкновенное явление, которое, впрочем, уж больше никого не удивляет здесь.

Беженцы при приближении к реке снимают с себя последние лохмотья и совершенно нагими бросаются в воду, стремясь доплыть до буржуазного берега.

Способ голой перебежки представляет некоторые преимущества: собачьей природе, сказывается, чуждо кусать голого человека, которому в то-же время легче переплыть реку, если, конечно, его минует при этом советская пуля

Однако, перескочить красную черту все еще не означает избавления от сов. террора.

Власти соседних государств выдают обратно беженцев большевикам, особенно русских и молокан.

Выданных беженцев красноармейцы обычно расстреливают тут же на границе, без всякого суда.

Перед ужасом такой расправы многие беженцы кончают самоубийством.

В Грузии. Между русскими и грузинскими коммунистами идет глухая борьба из-за занятия мест в учреждениях грузинской республики. Многочисленная грузинская интеллигенция пользуясь декретом, разрешающим пользование грузинским языком, стремится занять места и должности в аппарате, вытесняя, таким образом, из пределов Грузии пришельцев русских коммунистов, наплыв которых вследствие этого устремлен на соседний Азербайджан, Дагестан и др. области сев. Кавказа.

~~~~~  
 Вся корреспонденция касающаяся "Кавказа" должна быть направляема по адресу: **Monsieur HAÏDAR Bammate. 10, rue de Plelo, PARIS (15°).**  
 ~~~~~

ПОСТУПИЛИ В РЕДАКЦИЮ "КАВКАЗА"
 ДЛЯ ПРОДАЖИ СЛЕДУЮЩИЯ КНИГИ

Haïdar Bammate. — *Le Caucase et la Revolution Russe.*

— 12 фр.

D. Hadjibeyli. — «*Le Dialecte et le folk-lore du Karabagh. Azerbaïdjan du Caucase*»
 (в ограниченном количестве)

цена 30 фр.

~~~~~
 ЖУРНАЛ "КАВКАЗ" ПРОДАЕТСЯ

В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ:

"Возрождение" — 2, rue Sezè
 г. Поволоцкого — 13, rue Bonaparte

и в магазинах:

«*Stamboly*» — 41, rue S-t Charles
 «*Zour*» — 15, rue Daniel Sterne

La gérante : A. Laizé.